

— Возможно ли в нынешней ситуации заниматься творчеством, не вступая ни в какие отношения с политиками?

— В нашей жизни при отсутствии контакта с властью вообще невозможно ничего. Да, конечно, какая-то помощь нужна, но нельзя сказать, что это определяющий момент.

— А вам приходилось обращаться за помощью к политикам?

— Приходилось. Я не стесняюсь прийти и попросить. Ну а почему нет? Какую-то часть жизни ты работаешь на имя, а потом имя работает на тебя. Я уже до этого момента дожил. Если приходит Басков и просит, ко мне прислушиваются. Но прошу я не для себя.

— С какими политиками приходилось общаться?

— Со многими. Не надо считать политиков людьми другого сорта. Это такие же люди, как мы. Со своими проблемами, семьями, удачами и неудачами, болезнями, в конце концов. Среди них есть масса людей, с которыми мне просто очень приятно общаться по жизни, независимо от их политических убеждений.

Я в свое время был в партии Геннадия Селезнева «Возрождение». Потому что считал, что мог чем-то помочь в области культуры. У меня и сейчас дружеские отношения с Геннадием Николаевичем, но они ничего общего с политикой не имеют — это дружба семьями. Это очень интересный человек, и мы как общались, так и продолжаем общаться, независимо от того, на каком посту он был тогда и на каком сейчас.

Недавно встречался с Кучмой по очень приятному для меня поводу. Леонид Данилович присвоил мне звание народного артиста Украины. На торжественном приеме в администрации президента в Киеве я присутствовал с женой, после награждения мы с президентом попили чаю, пообщались. Фотография есть.

Честно говоря, я бы не стал придавать такого огромного значения общению с высшей властью. То, что я пью чай с президентом, не значит, что я получу какие-то безумные привилегии, льготы и блага.

— Как обычно завязываются знакомства артистов с политиками?

— Например, на правительственных концертах. Вот недавно — 10 ноября я был участником очередного правительственного концерта, посвященного Дню милиции. Это один из самых значимых концертов года, он идет в прайм-тайм на ОРТ. Вы скажете, что это не правительственный концерт? Конечно, правительственный — все первые лица страны на

сопротивление или нет, зависит от них самих. Протест не зависит от жанра. Протестовать и эстрада может, было бы желание. Я по натуре романтик. Лирика — это мое. Буду петь и дальше: «Я буду руки твои целовать», «Ты мой свет» и все в том же духе. Я так чувствую, так живу, пребывая много лет в состоянии влюбленности. Тенор — это певец любви, а не политики. Хотя мне очень близка патриотическая песня. Я люблю исполнять песни Пахмутовой, я с удовольствием записал свою версию гимна для Союзного государства России и Белоруссии.

— Это уже госзаказ получается..

— За все годы работы на сцене ни разу не спел произведение, которое мне было бы не по душе. Мне дали послушать мелодию, текст — мне понравилось. Меня как славянина в этой песне тронули слова: «Рассвет встречаем вновь вместе мы — Россия и Белоруссия...» Но гимном это произведение так и не признали, а Михалков сказал: «Так, как спел Басков, народ спеть не сможет». Но люди ее принимали на «ура», я пел ее на «Славянском базаре» — зал был в счастье. В Белоруссии песня вышла на компакт-диске и пользовалась очень большой популярностью. Такие песни несут огромный эмоциональный заряд.

— А как вы относитесь к составу Президентского совета по культуре? Почему правительство делает ставку именно на попу?

— Если исходить из того, что я понимаю под словом «попса», то позиция правительства понятна. Какой смысл делать ставку на то, что не популярно? Состав Президентского совета по культуре вполне обоснован. Это люди, которые заслужили это право своим многолетним трудом. Они

Николай БАСКОВ:

Я постоянно в поиске новых костюмов

нем присутствуют, и, конечно, люди между собой общаются.

— За правительственные концерты артисты получают гонорары?

— Когда как. Но чаще все, как и на обычном концерте: так же идет съемка для телевидения, и ты так же выходишь и поешь одну, две, три песни — сколько попросили. Меня обычно одну петь не просят — всегда несколько.

— А как вы относитесь к женщине в политике?

— Так же, как и к женщине за рулем, и к женщине на сцене, — положительно. Я за равноправие.

— На ваших концертах нередко можно увидеть и наделенных властью женщин...

— И мне это приятно. Например, Валентина Ивановна Матвиенко присутствовала на моих первых сольных концертах в концертном зале «Россия». И четыре года спустя ничего не изменилось: этим летом я от всего сердца вручал ей, уже губернатору Санкт-Петербурга, букет роз в БКЗ «Октябрьский» — я представлял там свою новую программу, а Валентина Ивановна была среди зрителей. А вот с Любовью Константиновной Слиской мы даже оказались вместе на съемках программы на телеканале «Культура».

— Как вы думаете, сможет ли рок-музыка сейчас взять на себя функцию протеста — против политической линии государства?

— Я вообще не понимаю, почему рок-музыка рассматривается как музыка протеста. Масса рок-групп исполняет лирику, абсолютно при этом не протестуя. Я бы не стал так резко отделять рок от остального шоу-бизнеса. А способны ли рокеры на

знают все проблемы культуры изнутри, они испытали их на своей шкуре, поэтому от них будет толк. Я бы согласился стать членом этого совета, но чуть позже, потому что считаю, что для этого нужно пройти определенные ступени. Меня очень сложно сравнивать с Иосифом Кобзоном, потому что мне 28 лет. Объем накопленного опыта у Кобзона и Баскова абсолютно несопоставим. Вступая же в такую должность, ты берешь на себя громадную ответственность, потому что в какой-то степени становишься вершителем судеб.

— А какое, кстати, у вас определение «попсы»? Многие считают Баскова чисто поповым исполнителем...

— Исходя из моего понимания попсы, я сам считаю себя поповым артистом. В слово «попса» у нас почему-то вкладывают какое-то снисходительно-презрительное отношение. Но попса — это популярная музыка, которая нравится большому количеству людей, которая на слуху, которую слушают, напевают. Популярные произведения есть и в классике, и в роке, и в эстраде. Если Бах — это классика, то Штраус — это попса. Когда я на сцене Большого театра пою «О соле mio», я пою попсу. Просто на сегодняшний день это понятие, к сожалению, стало очень размытым, сегодня попса — это и настоящая эстрада, и артисты-одноразовки.

— Вы не считаете шаг от оперы к эстраде шагом назад?

— А я никуда не шагнул. Я изначально работаю в стиле «crossover» — это стык оперы и эстрады. Каждый раз я выхожу на сцену — и люди ждут от меня чего-то лучшего, еще более интересного, нового. Я

Акция «Новой газеты»:

РОК ПРОТИВ ПОПСЫ

Н.Басков.ру

постоянно в поиске новых костюмов. Никто же не понимает наших проблем — ведь не выйдешь несколько раз в одном и том же пиджаке, потому что на тебя будут пальцами показывать. Нам надо прикладывать безумные усилия, чтобы держаться в форме, потому что, не дай бог, ты располнеешь или мешки под глазами появятся.

Приходится искать и новые творческие решения. Я тут ради съемок нового клипа имидж сменил намеренно — превратился временно в такого мачо. У меня была трехдневная щетина, стрижка — рваные пряди, рубашка распахнутая, голая грудь, на груди крест на веревочке висел. Причем снялся в клипе в достаточно откровенных сценах. Поклонники были в шоке. Меня спросили: вы не боитесь оттолкнуть экзальтированных девушек, которые привыкли видеть вас во фраке с бабочкой, такого всего академичного и грациозного? Я сказал: я боюсь того, что буду всегда одинаковым и быстро надоем. Я хочу быть разным. Я хочу петь оперные арии и читать во фраке рэп с «Мурзилками». Мне, кстати, было очень тяжело это делать! Наверное, любители и знатоки рэпа меня всячески ругали, но, конечно, только те, у кого отсутствует чувство юмора, потому что это изначально было шуткой. Я считаю, что в этой «всеядности» и есть моя оригинальность. Интерес к моей персоне и споры не прошли, значит, я иду правильным путем.

Моим поклонникам сейчас от 5 до 95, и мне абсолютно все равно, политики это или обычные люди, потому что нельзя опуститься до уровня деревенской бабушки, до него можно только подняться.